

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 94(470.41)'16'

doi: 10.26907/2541-7738.2020.1.9-22

ПИСЦОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ КАЗАНСКОГО УЕЗДА СЕРЕДИНЫ XVII ВЕКА: ВИДОВАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ И АТТРИБУЦИЯ

Д.А. Мустафина

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

В статье представлены результаты источниковедческого изучения двух рукописей, изготовленных в ходе писцового описания Казанского уезда, состоявшегося в середине XVII века. Полные тексты обеих подшивок отложились в фонде Поместного приказа Российского государственного архива древних актов. Сопоставление содержательных элементов памятников, к настоящему времени опубликованных, особенностей изложения информации, а также привлечение к анализу других актов и документов писцового делопроизводства позволили уточнить видовую принадлежность и атрибуцию рукописей. Сделан вывод о том, что наряду с переписыванием предварительного (чернового) варианта полевых книг «письма и меры» набело был изготовлен ряд других книг, различающихся целями создания. К числу последних принадлежат обе привлеченные к анализу писцовые книги. Опубликованная в 2001 г. рукопись первого памятника не является книгой «письма и меры», а представляет собой перечень или перечневой список владений, составленный не ранее 1656 г. Аттестованный как перечневая книга второй памятник, увидевший свет в 2018 г., является обособленным описанием земель служилых нерусских людей, изготовленным не ранее 1653/54 и не позднее 1655/56 г.

Ключевые слова: Казанский уезд, писцовые книги, служилые татары, землевладение

В настоящей статье объектом критического изучения стали материалы описания Казанского уезда, осуществленного в середине XVII в. писцовой комиссией во главе с Семеном Васильевичем Волынским. Речь пойдет о двух рукописях, уже введенных в исследовательский оборот. Текст первого памятника увидел свет в книге под названием «Писцовая книга Казанского уезда 1647–1656 годов» (I, с. 28–540), другого – на страницах журнала «Средневековые тюрко-татарские государства» (II, с. 123–302).

Сведенные в четыре тома документы писцового делопроизводства дошли до нас в составе архивной единицы, отложившейся под номером 1128 в фонде Поместного приказа (ф. 1209) Российского государственного архива древних актов (РГАДА) (III, кн. 1128, ч. 1–4). В машинописной версии архивной описи фонда Поместного приказа, составленной в 80-е годы XX в., первый том архивного дела записан под заголовком «1648–1656. Писцовые книги Казанского,

Лаишевского, Сарапульского и Тетюшского уездов, писца С. Волынского с товарищами. Подлинник (черновик). Л. 1–600». В составе второго тома под общей датой «1652–1656» указаны две книги: «1. Писцовая книга Казанского уезда, писца С. Волынского с товарищами, 1654–1656 гг. Л. 1–387. Черновик; 2. Переписные книги стрельцов Ахтанинского и Шомшинского острогов Казанского уезда, 1652 г. (л. 389–407). Подлинники. Л. 1–407» (Ш., архивная опись фонда 1209, ч. 1, с. 296; IV., с. 1–558).

При проведении переплетных работ перечеркнутые листы были восприняты сотрудником архива как черновик писцовых книг, датированных 1648–1656 гг., и подшиты в конец тома. По-видимому, он исходил из идентичности имеющих в черновике географических названий с топонимами, фигурирующими в тексте беловика, скрепленного подписями писцов С.В. Волынского и Петра Матвеевича Коротнева. Однако архивист не обратил внимания на различие схематических структур беловика и черновика, входивших в первый том, и не увидел прямой связи между текстом, приведенным в конце первого тома, и книгой, описанной под порядковым номером «1» в составе второго тома. Между тем формуляр черновых записей существенно отличается от такового текста писцовых книг 1648–1656 гг. и абсолютно идентичен структуре текста писцовой книги 1654–1656 гг., приведенной во втором томе архивной единицы. Зачеркнутые и несущие следы множественных исправлений листы оказались подшитыми в разные тома. Их содержание было воспроизведено набело на последующих листах книги, в продолжение черновых записей, без обозначения их характера и без подзаголовка (подробнее см. [1, с. 120]).

На корешки томов были наклеены изготовленные типографским способом ярлыки XIX в., к настоящему времени сильно затертые, на ярлыке второго тома, по всей видимости, было напечатано курсивом «Казань / № 2» (слабо просматриваются «К... / 2»). На «доску» переплета обоих томов был наклеен типографский ярлык с аббревиатурой ЦГАДА¹, под которой последовательно расположены строки с напечатанными словами «Фонд», «Опись», «Ед. хр.», «Годы». В продолжение строк от руки черными чернилами написана надлежащая информация: «1209», «I», «1128 / ч. I» (на втором – «1128 / ч. II»), лишь строка со словом «годы» оставлена без записи. Характерно, что на архивной единице отсутствует ярлык Разборного комитета, в течение семи лет (1835–1842) производившего предыдущее описание дел Вотчинного архива.

На лицевой стороне листов писцовых книг имеется штамп с надписью: «Московский архив Минис. юстиции». Известно, что в 60-е годы XIX в. в указанный архив были переданы документы из архивов местных учреждений².

¹ ЦГАДА, ЦГАДА СССР (с 1985 г.) – Центральный государственный архив древних актов, в 1941–1991 гг. такое название носил современный Российский государственный архив древних актов (РГАДА). До 1941 г. назывался *Государственный архив феодально-крепостнической эпохи* (ГАФКЭ), в его состав в 30-е годы XX в. был включен *Центральный межевой архив* (бывший Архив межевой канцелярии). До 1931 г. ГАФКЭ назывался *Древлехранилище Московского отделения Центрального исторического архива РСФСР*. Древлехранилище возникло в результате слияния в 1925 г. *Московского архива Министерства юстиции* (МАМЮ), *Главного архива Министерства иностранных дел*, *Санкт-Петербургского государственного архива Министерства иностранных дел* и *Московского отделения Общего архива Министерства Императорского двора*.

² Московский архив Министерства юстиции был создан в 1852 г. в результате слияния Разрядно-Сенатского архива, Московского государственного архива старых дел и Архива прежних вотчинных дел. В Архив прежних вотчинных дел был передан архив упраздненной в 1786 г. Вотчинной коллегии, преемницы и наследницы архивных дел Поместного приказа, ликвидированного в 1721 г.

Теоретически можно допустить, что интересующая нас четырехтомная единица хранения, не имеющая следов предыдущей инвентаризации (?), находилась в их числе. Ведь она не была учтена в «Описях», опубликованных в 1869 г.

Судя по ярлыкам, ее тома попадали под систематизацию архивных дел как минимум дважды: первый раз в ходе переплетных работ, второй – при составлении описи в конце 70-х годов XX столетия. В последний раз тома были отмечены как части архивного «дела» (Ш., архивная опись фонда 1209, ч. 1, с. 296–298). К тому времени архив местной приказной палаты и центрального ведомства – приказа Казанского дворца – давно были уничтожены пожарами. Так, в правой грамоте из Патриаршего разрядного приказа, выданной в апреле 1630 г. архимандриту Троице-Сергиева монастыря Дионисию «с братьею», говорится, что «казанские писцовые и дозорные книги, каковы присланы были ис Казани к Москве в прошлых годах до московского пожару, в прошлом во 134-м году [1625/26] в пожар, как Китай-кремль горел, згорели, а после пожару июля по третье число ис Казани списков и дозорных книг к государю к Москве в Казанский дворец не присылывано» (V., д. 49/6457, л. 2–3). Стало быть, к тому времени «вторичные» книги уже были переданы в Поместный приказ.

Листы обеих подшивок нумеровались неоднократно. В правом верхнем углу листов обеих рукописей содержатся три пагинации (буквенная XVII в., цифровая XVIII в. проставлены чернилами, третья – карандашом в XX в.). В нижнем углу листов нумерация выполнена черными чернилами в XIX в. В конце обоих памятников почерком XVIII в. сделаны записи о подсчете листов. В первой рукописи фраза: «Всего в сей книге 502 листа. Щетал Федор Иванов» – приведена после изложения своеобразного оглавления – перечисления тетрадей, подшитых в книгу, и через два оставленных без записи листа. Во второй рукописи помета: «Всего в сей книге по щету 428-м листов, в том числе под одним номером 4 листа 314-м, 399-м. Щетал Федор Иванов»³ – приведена практически в продолжение текста. Стало быть, листы последней тетради второго памятника к тому времени были уже утрачены. Имя приказного, осуществившего счет листов обеих рукописей, не только свидетельствует о выполнении этой операции одним и тем же лицом в одном и том же месте, но и позволяет связывать судьбу рукописей в первую очередь с приказом Казанского дворца [1, с. 122; 4, с. 24].

Анализ нумерации листов показывает, что рукописные памятники становились объектом внимания как приказных служащих, так и сотрудников архива учреждения, в котором были изготовлены или хранились до XIX в., следовательно, их инвентарный номер мог быть и другим. А к моменту их передачи в архив МАМЮ составление описей под редакцией Н.В. Калачева было уже завершено. По-видимому, при фронтальном учете дел фонда МАМЮ они, как подшивки делопроизводственных документов, отражающих состояние дел в Казанском крае, получили общий идентификационный номер «1128» с буквенным обозначением томов «а», «б», «в», «г», соответственно. Позже к шифру были приписаны карандашом сокращения «ч. I», «ч. II» и т. д. Всё это означает,

³ Приказных с такой фамилией у С.Б. Веселовского 6, у Н.Ф. Демидовой – 26 человек. Один из них с 1638 г. по 1650 г. служил в приказе Казанского дворца, двое – в Разрядном приказе (с 1614/15 по 1657 г. и в 1667–1677 гг. соответственно), см. [2, с. 213; 3, с. 232–233].

что архивное «дело» подвергалось инвентаризации не менее четырех раз, в том числе дважды в прошлом столетии.

Сотрудники архива обратили внимание на совпадение определенной совокупности географических названий и имен землевладельцев в обоих памятниках и связали происхождение второй рукописи, утратившей начало и конец, с писцовым описанием Казанского уезда, состоявшимся в середине XVII в. Присутствующие в различных актах многочисленные ссылки на писцовые книги С.В. Волынского «с товарищи» свидетельствуют, что они служили одним из авторитетных нотариально-юридических документов, удостоверяющих владельческие права на землю. Современники квалифицируют рассматриваемые учетные записи то как «писцовые полевые книги письма и меры, и межевания», то как «недоверженные черные книги», то как «писцовые книги и межевой столп» (см. (V., д. 173/6581, л. 4, 8; д. 176/6584, л. 2, 3, 7, 9; д. 217/6625, л. 3–11; VI., л. 63–93)). Характер определений указывает на обособленное существование и использование материалов, созданных с различной целью.

Первая из писцовых книг С.В. Волынского «с товарищи» занимает л. 1–548 (по нижней пагинации черными чернилами, содержащей разрыв цифрового ряда: вслед за л. 48 следует л. 94 об.). Начинается она с начального протокола, в котором приведена аттестация памятника («книги полевые письма и меры»), затем сообщены объект описания (Казанский уезд), подлежащие переписи земли (дворцовые, церковно-монастырские, митрополичьи, частные на вотчинном и поместном праве, в том числе нерусских служилых людей), а также указана мера поверхности, которой осуществлялось измерение угодий («мерено в длинники и поперечники в десятины государевою саженью») (I., с. 28).

Определение вида писцовой книги в начальном протоколе и отсутствие в нем традиционного заголовка, содержащего указание на временной промежуток описания, а также отсутствие обозначения разделов (содержания книг), касающихся поместий, вотчин, отписанных в казну и «порозжих» земель, иногда приводимых с перечнем имен землевладельцев, заставляют усомниться в «первичности» текста книги (см. (VII., с. 88–90), а также [5, с. 137]).

Для получения представления о том, как мог выглядеть заголовок, предваряющий «отбеленный», то есть переписанный набело текст описания, обратимся к другим уцелевшим памятникам, содержащим заглавие или ссылку на него. К примеру, материалы описания Зюрейской дороги 80-х годов XVII в. озаглавлены как «Книги писцовая и межевая писма и межеванья Ивана Кайсарова да подьячего Степана Карачарова 193, 194 и 195 годов» (III., кн. 434, л. 1, 24; кн. 6451, л. 1; VII., с. 53–87). «Список перечневой Свяжского уезду свияжских мурз и служилых татар, и недорослей поместным землям...» передает видовую принадлежность оригинала в своем заголовке так: «...С книг писма и меры думного дворянина Ивана Михайловича Аничкова с товарищи 155-го и 156-го и 157-го и 158-го и 159-го и 160-го году» (III., кн. 433, л. 1; кн. 847, л. 1).

Вместе с тем рукопись первой книги содержит разделы, озаглавленные по наименованию описываемой административно-территориальной единицы («даруги») с указанием порядкового номера года переписи. По всей видимости, писцы умышленно отошли от принятого правила указывать хронологические рамки описания в тексте заголовка. Им было важно сохранить результаты учета

владений по годам, или же при переработке полного, еще необработанного («неотбеленного») текста описания они не стали отходить от того порядка, в котором выполнялась регистрация угодий. Это предположение подтверждается и тем, что, несмотря на деление уезда на пять дорог, рукопись состоит из шести разделов: отдельный раздел посвящен переписи земель Заволжской стороны Ногайской дороги.

Хронологический ряд описания начинается 156-м (1647/48) г. и завершается 164-м (1655/56) г. Именно этот хронологический промежуток стал основанием для определения времени описания 1647–1656 гг. и при подготовке текста памятника к публикации. В предисловии к изданию были отмечены внешние признаки рукописи (физическое состояние, пагинации, оставленные без записи страницы), указывающие на продолжительное обособленное использование тетрадей и возможное заполнение их по отдельности. На основании перечисленных особенностей рукописи и полистных скреп самих писцов было сделано заключение о том, что данная рукопись является подлинным списком, современным не дошедшему до нас оригиналу полного текста описания [4; 6, с. 4]. Однако сопоставление текста первой рукописи с текстом второго памятника показало полную несостоятельность определения рассматриваемых материалов первого тома книги 1128 в качестве писцовых *полевых* книг «письма и меры».

Вторая из рукописей, сочетающая записи, написанные начерно и набело практически об одних и тех же владениях, дошла до наших дней, как уже отмечалось, утратив начало и конец. Редко, но в беловике присутствуют описания поместий, отсутствующие в черновике, и, наоборот, имеют место разночтения в передаче имен, встречаются изменения последовательности изложения описаний и описки при расчетах сошного письма. Всё это говорит о том, что текст рукописи не был выверен и, возможно, остался незавершенным.

Поскольку ни заглавия, ни начального протокола, содержащих информацию о времени составления, именах правительственных агентов и приказных людей, имевших отношение к появлению памятника, не сохранилось, к тому же листы не скреплены подписями приказных, возникла потребность в его атрибуции, то есть датировании, определении авторства и места составления. Дело в том, что в археографической справке, сопровождающей публикацию материалов описания 1647–1656 гг., мы охарактеризовали «заключительную» часть (черновые листы, приведенные в конце первого тома архивной единицы) как «начало черновой книги сошного письма поместных владений в селе Сайря, деревнях Сайря, Крылай, Унба, Айша, Куморгозя, Тлюклер, составленной на основании сказок и приправочных книг 1602/03 г. Ивана Болтина» [4, с. 22–23], кроме того (см. (VIII., с. 5–204)). Основанием для такого определения стали расчеты сошного письма и черновой характер записей.

Идентичность структуры и формы изложения информации на листах, подшитых к первому тому, и писцовой книги, включенной в состав второго тома, позволила впоследствии охарактеризовать разделенные части рукописи как единый памятник специального документирования. Содержание текста не оставляло сомнений в его принадлежности к учетно-кадастровой документации. При издании же полного текста памятник поспешно был причислен к перечневым книгам,

составленным «непосредственно “по горячим следам” проведенной валовой акции» (см. [1, с. 122]).

Последующее сопоставление и анализ материалов учета владений в Казанском уезде, практически одинаково озаглавленных в архивной описи как «писцовые книги» и «писцовая книга», показали, что информация о каждом объекте описания, фигурирующем в обоих памятниках, существенно различается по объему, структурным элементам и принципам регистрации статей владения: запашки, лугов и леса. Отличие внутренней формы рукописей подтолкнуло нас к их источниковедческому анализу с целью уточнения атрибуции и определения видовой принадлежности.

Дьяк Михаил Патрекеев, изготовивший первую книгу описания С.В. Волынского, привел название населенного пункта (Чюваш), статус и имя самого старшего из землевладельцев, сопроводив оное обобщающим определением «с товарищи» (без указания их имен), и размер угодий за помещиками. При этом площадь запашки зафиксировал посредством учета *длинников* и *поперечников*, основанных на «государевой сажени», закрепленной Соборным уложением 1649 г.⁴ Измерение в этих мерах предусматривало выполнение одного действия – умножения, производной же являлась *десятина*. В десятинах же была измерена и площадь лугов, правда, редко фигурирующая в книге (I., с. 28).

Обращает на себя внимание и отсутствие целого ряда сведений, традиционно приводимых в полевых книгах «письма и меры», отсутствие элемента, свойственного перечневым книгам: не были отмечены вопросы, которые писец не мог разрешить, ибо они входили в сферу компетенции судей командированного его приказа [7, с. 158–159]. Дьяк также отметил факты закрепления спорных земель («за... спорные земли, что была в споре») и обусловленные тяжбой случаи отхода от традиционного принципа измерения земель «в одно поле» («...земля мерена порознь», «поля все мерены для спору», «для спору мерены по два поля и верстаны вровно») (см. (I., с. 47, 49, 51, 55, 60, 62, 67, 69, 71, 74, 98, 114–115, 117, 132, 148)). Делал он это не с целью описания изменений в землевладении, как было принято в перечневых книгах, а ради констатации разрешения «спора». Фиксация информации о разрешенных «спорах» косвенно указывает и на главную причину, заставившую в 1647–1656 гг. провести описание земель уезда [6, с. 3–4; 8, с. 206–207].

Перепись земель во второй книге начинается с подзаголовка, сообщающего о социальном статусе землевладельцев: «За служилыми татарами за розными помещики в ясачной деревне Чюваш в поместьях» (II., с. 264). Затем перечисляются имена всех служилых людей, в совместном владении которых находился поместный жеребей в деревне, отмечено, кому он ранее принадлежал. Описание «живущего» жеребья состояло из следующих элементов: 1) фиксации всех помещичьих дворов, имен помещика(-ов) и его (их) детей (с указанием возраста несовершеннолетних), имени дворового человека с братом; 2) регистрации хозяйственных данных: размеров измеренной в четвертях запашки, лесом поросшей земли, дубровы пашенной, расчищенной под пашню площади, учтенных

⁴ Десятина (казенная) – в XVI – начале XX в. самая крупная мера поверхности и счетная единица, представлявшая собой условный прямоугольник, стороны которого составляли 30 × 80 или 40 × 60 саженей.

в копнах сенных покосов с подробным описанием их местоположения и указанием лугов, появившихся «сверх дач и приправочных книг». Затем по такому же принципу (естественно, без сведений о помещичьих дворах и зависимом населении) были описаны запустевшие жеребьи в ясачных деревнях Мозяр и Айбаш, переданные не верстанным служилым в поместье.

В подведенном итоге отмечено наличие 3 жеребьев («живущего и впусе»), 4 дворов помещичьих с количеством «людей», число дворовых людей, суммированы хозяйственные данные о пахотных угодьях, лугах и лесе. Далее перечислены кабаки с указанием владельца и местонахождения. Изложены расчеты сошного письма и названы документы, предъявленные писцам для удостоверения владельческой принадлежности земель (II, с. 264–265).

Необходимо отметить, что во второй писцовой книге фиксировались и «примерные» земли. В тех случаях, когда землевладелец являлся феодалом, регистрировались дворы, имена крестьян, бобылей и детей этих категорий зависимого населения, с указанием возраста несовершеннолетних. Также поименно отмечались обосновавшиеся на земле («во дворе») служилого человека беспоместные служилые с перечислением детей. Все не достигшие совершеннолетия фиксировались с указанием возраста. В ряду хозяйственных данных приводились имеющиеся за человеком статьи собственности (земельные и бортные угодья, рыбные ловли, мельницы, питейные заведения, перевозки). Как видим, структура, форма и содержание изложения позволяют квалифицировать анализируемый памятник как полевою писцовую книгу «письма и меры».

Если писцам приходилось самим разрешать какие-то спорные ситуации, или после произведенной регистрации выносилось решение суда о передаче угодий другому человеку, то в готовый текст переработанного «вторичного» документа вносилась запись, отражающая наступившее положение дел. Так, в ходе описания, начатого в мае 1653 г., за служилым Курманаем Сабанаевым было зарегистрировано 60 дес. земли в пустоши Кебеков остров (I, с. 303). Однако выяснилось, что он самовольно поселился на земле не верстанных служилых татар, детей Тлевлея Янгурчеева, получившего в 1622/23 г. ввозную грамоту «за приписью» дьяка Василия Частого на эти земли. Суд в 1654/55 г. признал владельческие права сыновей Т. Янгурчеева на «отца их поместье».

В результате запись о том, что по решению суда и по грамоте, данной служилому Т. Янгурчееву, земля отведена его детям, появилась в промежутке между абзацами написанного текста первой книги (I, с. 303, прим. 2), а во второй – на верхнем поле было отмечено, что земля написана «...за Шигаikom з братьею по судному делу 163-го году» (II, с. 210). Из этого следует, что обе книги создавались практически одновременно, к их составлению приказные приступили до 1654/55 г. и внесли исправления по изготовленному беловому варианту полевых книг.

Присутствие в черновике помет: «пис» (то есть «написано»), «в прим.», то есть записать в числе «примерных земель», «справитца с полевыми книгами», то есть для уточнения обратиться к писцовым полевым книгам «письма и меры», «скаскою и з грамотою справлено», то есть владение юридически оформлено на основании сказки и представленной грамоты, «положил грамоты», то есть предъявил писцам документы на землю, «оставь» (то есть «сохрани зачеркнутый

текст») и т. п., вне всякого сомнения, служит аргументом, доказывающим «подлинность» рукописи, и также свидетельствует о сличении зафиксированной информации с «полевыми» книгами [9].

На листах рукописи, написанных начерно, имеются два примечания, руководствуясь которыми мы поспешно определили второй памятник как «перечневые книги, составленные непосредственно по “горячим следам” проведенной валовой акции». Обе эти приписки приказного человека могут быть истолкованы двояко. Первое «распоряжение»: «Имя в перечень не писать» – можно интерпретировать и как указание не приводить в списке (в числе) перечисляемых имен, и как указание на то, что сама рукопись является «большим перечнем». Другое примечание: «Писать сесь перечень после сей деревни» – также представляется неоднозначным. В данном контексте слово «перечень» можно воспринимать и как элемент «большого перечня», и как обозначение отрывка описания, содержащего перечень статей.

Чтобы рассеять сомнения, мы обратились к материалам описания Зюрейской дороги Казанского уезда 1685–1687 гг., содержащим в своем составе перечневые списки (росписи, книги), видовую принадлежность которых определили сами приказные служащие. За исключением изменений, продиктованных временем (приведение сведений о происхождении холопов и употребление более точной единицы измерения площадей лугов – десятины, «одобривание» средней по качеству земли), традиции описания земель, проводившегося в Среднем Поволжье в середине XVII в., ко второй четверти столетия серьезных изменений не претерпели (III, кн. 434, л. 51–56; VII, с. 90–93).

Привлеченные к анализу перечневые книги 80-х гг. XVII в. представляют собой памятник «вторичного», канцелярского происхождения, изготовленный путем сокращения текста за счет пропуска имен зависимых людей (дворовых, крестьян, бобылей), крестьян-поятых (на монастырских землях) и рукоприкладств помещиков (а на монастырских вотчинах – поятых) или их доверенных лиц. По сравнению с текстом второй анализируемой книги С.В. Волынского «с товарищи» в переработанных материалах И. Кайсарова отсутствуют расчеты сошного письма.

Кроме самих полевых книг, вычисление размера подати, как известно, может содержаться лишь в приправочных книгах. Вместе с тем приправочный список не содержит в описании владений перечисление дворов, имена «людей» (дворовых, крестьян, бобылей), и обоснование прав на владение земельной собственностью передается без детализации (по приправочным книгам, по грамотам без указания даты и места выдачи, адресата, «приписи» писцов) [5, с. 57]. При изготовлении рассматриваемой книги писцам были выданы приправочные книги И. Болтина, им предъявляли грамоты («казанские»), выданные в период с 83 (1574/75) по 161 (1652/53) г. из Казанской приказной (сьезжей) избы за подписью дьяков.

Представляется, что в отличие от первой книги, вторая писцовая книга С.В. Волынского «с товарищи» изначально создавалась как специальный земельный кадастр, в который были сведены данные исключительно о поместных и вотчинных владениях нерусских служилых людей, но не всего уезда, а лишь размещенных по Алатской и Галицкой дорогам Казанского уезда. Результаты

регистрации вотчинных и поместных угодий нерусских землевладельцев по остальным четырем административно-территориальным единицам – «даругам» – уезда пока не выявлены. Хотя они явно должны были быть составлены, или их изготовление осталось незавершенным. Свидетельством тому встречающиеся в тексте переписи земель примечания, вроде «За ними же поместье [...новорозчисная полянка, ...вотчина бортной ухожей] по Арской [Галицкой, Зюрейской, Нагайской] дороге», «...Нагайской дороге за рекою за Волгою за Старую Тетюшскою засекою...» (см. (II, с. 125, 126, 163, 164, 183, 193, 194, 215, 216, 217, 218, 219, 220, 221, 224, 241, 242, 252, 253)). Косвенным аргументом существования такой практики обособленного учета и регистрации земель в зависимости от того, в чьем владении они находились, являются известные исследователям описания дворцовых и церковно-монастырских земель, упоминания о существовании ясачных книг (III, кн. 433, л. 1–263 об., кн. 847, л. 158–334; кн. 6441, л. 610–713; IX, с. 193–247), а также отложившиеся в древлехранилищах переписные книги XVIII в., составленные по каждой дороге уезда порознь (X), и заключение исследователя М.Ю. Зенченко о существовании в Поместном приказе «практики разделения целых переписных книг на “выписи” – самостоятельные документы, содержащие текст подлинной книги на отдельную волость или стан» [10, с. 138].

В связи с этим представляется примечательным неоднократное упоминание во второй книге С.В. Волынского казанского списка, «каков прислан к писцом ис Приказные полаты за дьячьёю приписью» (II, с. 135, 137, 184), который, судя по контексту, является документом, где были отражены пофамильный состав служилых нерусских людей и их поместные оклады. А это означает, что сохранившиеся писцовые материалы могут служить источником для восстановления «верстальных десятен» [11]. Между тем другие уцелевшие источники умалчивают о существовании «десятен» этой категории служилых. Более того, даже считается, что категория служилых татар не версталась поместными окладами, так как оклады давались по чину, а нерусские служилые их не имели. Думается, что здесь из внимания упускаются два обстоятельства: 1) социальная неоднородность категории служилых татар и употребление этого понятия в широком и узком значениях; 2) различие служилых в зависимости от вероисповедания на «своих» – православных, «чужих» – мусульман и католиков и изначальная законодательная ориентация на «своих».

Вполне закономерно, что государство регулировало земельные отношения, контролировало и поддерживало сложившуюся систему землевладения, основу своего существования. Право владения имуществом, условия и порядок использования земельного надела предполагали существование и применение определенных юридических оснований в виде установленных норм собственности, их передачи, регистрации факта наделения («верстания окладом») и введения во владение, службы с него, уплаты налогов и т. д. Категория служилых нерусского происхождения не могла оставаться вне орбиты действия определенных правовых норм, вне «правил» существования государственного органа, его финансово-кадастровой, юридической и прочих систем [12, с. 34–49; 13, с. 39–46, 62–68].

Итак, источниковедческое изучение двух писцовых книг С.В. Волынского позволяет прийти к следующим выводам.

1. В процессе выполнения своей задачи писцы составили несколько книг, которые правомерно объединить общим наименованием «писцовые книги». По результатам выездов для досмотра владений на месте (выездам могла предшествовать работа по составлению описания по мере поступления юридических обоснований на владение поместьями) были изготовлены полевые книги «письма и меры» и так называемый «межевой столп». В камеральных условиях по первоначальному непроверенному варианту полевых книг был создан «большой перечень» и краткий перечневой список, а также в канцелярии составлялись обособленные книги описаний земель служилых нерусских людей по дорогам уезда.

2. Первая из отложившихся в архиве книг представляет собой подлинник, современный оригиналу, так как к ее созданию прямое отношение имели сами писцы, руководившие описанием: листы рукописи скреплены подписями С.В. Волынского и П.М. Коротнева (см. [6, с. 5–7; 4, с. 26; 14, с. 5–9]). Это заключение подтверждается и фразой из текста второй рукописи: «А по перечню в приправочных книгах написано сена 2337 копен и по подлиннику перед перечнем не дописано сенных покосов в той пустоши 114 копен» (II, с. 222). Изготовивший первую книгу дьяк существенно переработал имевшийся у него оригинал полевой книги. Перед ним стояла задача создания «вторичного», канцелярского варианта учетных материалов, без лишних подробностей (ссылок на документы-обоснования владельческих прав, сведений о количестве дворов и имен феодально-зависимых людей и их детей) отражавшего реальную ситуацию в землеустройстве. Результатом выполнения указанной задачи стало изготовление не ранее 1656 г. перечневого списка с писцовой полевой книги С.В. Волынского «с товарищи» 1647–1656 г.

3. Второй памятник также носит «вторичный» характер, так как был изготовлен в недрах канцелярии после писцового описания. Но это не перечневой и не приправочный список, и вряд ли его правомерно называть «списком с писцовых книг письма и меры». Он является подлинником, современным оригиналу, был изготовлен как самостоятельная (обособленная) «выпись» из материалов писцового «полевого» описания, проведенного в Казанском уезде в 1647–1656 гг. Этот оригинальный памятник может быть определен как писцовые книги «письма и меры» земель служилых нерусских людей – мурз, татар и новокрещен, размещенных в селениях Алатской и Галицкой дорог Казанского уезда. Год прекращения переписных работ и нижний порог временного интервала, упоминаемого в тексте самого памятника (регистрация поместья за неверстанным Шигаем Янгурчевым «з братьею» «по судному делу» 1654/55 (7163) г.) делают правомерным уточнить и время изготовления рукописи: она могла появиться не ранее 1653/54 и не позднее 1655/1656 г.

4. Оформление результатов описания владений служилых нерусских людей в виде специальных самостоятельных книг, думается, было обусловлено необходимостью выполнения круга функций, возложенных на приказ Казанского дворца и его низовую ячейку – местную Казанскую съезжую палату, хотя материалы писцового делопроизводства, отражающего состояние землевладения в Казанском крае к середине XVII в., информация об имущественном положении

служилых отвечали запросам и потребностям и Поместного приказа. Однако прибор, наделение земель и контроль над материальным положением, физическим состоянием или боеспособностью служилых нерусских людей находились в ведении упомянутого территориального ведомства и в первую очередь тех приказных, которые находились на местах. Аргументом, указывающим на изготовление обоих памятников в приказе Казанского дворца, служит канцелярская помета о подсчете листов дьяком Федором Ивановым, служившим в этом ведомстве.

Безусловно, проведенный анализ не может претендовать на полноту, а лишь призван обратить внимание на необходимость дальнейшего монографического источниковедческого исследования материалов писцовых описаний Казанского уезда, состоявшихся в середине XVII в.

Источники

- I – Писцовая книга Казанского уезда 1647–1656 годов. Публикация текста / Сост. И.П. Ермаолаев, Д.А. Мустафина. – М.: ИРИ РАН 2001. – С. 28–540.
- II – Публикация текста перечневой книги с полевой книги Семена Волынского «с товарищи» // Средневековые тюрко-татарские государства. – 2018. – № 10. – С. 123–302.
- III – Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1209: Поместный приказ. Оп. 1. Ч. 1. Вотчинная коллегия и Вотчинный департамент (объединение фондов). Кн. 433. 263 л.; Кн. 434. 377 л.; Кн. 847. Л. 158–334; Кн. 1128. Л. 389–396 об.; Кн. 6441. Л. 610–713; Кн. 6451. 191 л.; Архивная опись фонда 1209. Ч. 1. 348 с.
- IV – Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции / Под ред. Н.В. Калачева. – СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1869. – Кн. 1. – 558 с.
- V – РГАДА. Ф. 281: Грамоты Коллегии экономии по Казани. Д. 49/6457. 7 л.; Д. 173/6581. 21 л.; Д. 176/6584. 27 л.; Д. 217/6625. 11 л.
- VI – Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского КФУ. Ед. хр. 1295/18. Л. 63–93.
- VII – Писцовые книги Казанского уезда 1685–1687 гг.: Публикация описаний Зюрейской дороги / Сост. Д.А. Мустафина. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2009. – 427 с.
- VIII – Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 годов: Публикация текста. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1978. – 240 с.
- IX – Книга письма, дозора и межевания 1599/1600 гг. Никиты Обухова на дворцовые владения Казанского уезда // Писцовые материалы дворцовых владений второй половины XVI века / Сост. Е.И. Колычева, Н.П. Воскобойникова. – М.: ИРИ РАН, 1997. – С. 193–247.
- X – РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 135–161; Оп. 2. Ч. 1. Д. 1080–1223.

Литература

1. *Мустафина Д.А.* Описание земель служилых татар в Казанском уезде в середине XVII века // Средневековые тюрко-татарские государства. – 2018. – № 10. – С. 116–123.
2. *Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие XV – XVII вв. – М.: Наука, 1975. – 607 с.
3. *Демидова Н.Ф.* Служилая бюрократия в России XVII века (1625–1700): Биографический справочник. – М.: Памятники ист. мысли, 2011. – 717 с.

4. *Мустафина Д.А.* Археографическая справка // Писцовая книга Казанского уезда 1647–1656 годов. Публикация текста / Сост. И.П. Ермолаев, Д.А. Мустафина. – М.: ИРИ РАН, 2001. – С. 22–26.
5. *Павлов-Сильванский В.Б.* Писцовые книги России XVI в. – М.: Наука, 1991. – 247 с.
6. *Мустафина Д.А., Ермолаев И.П.* Писцовая книга Семена Волынского как исторический источник // Писцовая книга Казанского уезда 1647–1656 годов. Публикация текста / Сост. И.П. Ермолаев, Д.А. Мустафина. – М., 2001. – С. 3–21.
7. *Веселовский С.Б.* Сошное письмо. Исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства: в 2 т. – М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1916. – Т. 2. – 711 с.
8. *Ключевский В.О.* Сочинения: в 9 т. – М.: Мысль, 1988. – Т. 3: Курс русской истории, ч. 3. – 415 с.
9. *Давыдова А.* Материалы писцового делопроизводства Нижегородского уезда как историко-географический источник и некоторые методы их анализа // Открытый текст. – URL: <http://www.opentextnn.ru/history/istochnik/istXIII-XIX/?id=1268>, свободный.
10. *Зенченко М.Ю.* Приправочные комплексы XVIII века: данные из переписных книг 1678 года в административно-управленческой практике Российского государства // Материалы XV Всерос. науч. конф. «Писцовые книги и другие массовые источники XVI – XX веков»: К столетию со дня рожд. А.А. Колесникова. – М.: Древлехранилище, 2008. – С. 137–148.
11. *Кротов М.Г.* Источники реконструкции десятен XVI – XVII вв. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода: Сб. ст. – М.: Ин-т истории СССР, 1983. – С. 51–60.
12. *Ногманов А.И.* Самодержавие и татары. Очерки истории законодательной политики второй половины XVI – XVIII вв. – Казань: Тат. кн. изд-во, 2005. – 213 с.
13. *Ермолаев И.П.* Среднее Поволжье во второй половине XVI – XVII вв. (Управление Казанским краем). – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1982. – 223 с.
14. *Фролов А.А.* Что такое «подлинник» писцовой книги? Заметки по источниковедению документов XVI в. // Вестн. «Альянс-Архео». – М.; СПб.: Альянс-Архео, 2015. – № 11. – С. 3–30.

Поступила в редакцию
12.10.2019

Мустафина Дина Абдулбаровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры исторического и обществоведческого образования

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д.18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: maktub29@yandex.ru

doi: 10.26907/2541-7738.2020.1.9-22

**The Problem of Certification of Scribal Materials
of the Kazan District in the Middle of the 17th Century: Specifics and Attribution**

D.A. Mustafina

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

E-mail: maktub29@yandex.ru

Received October 12, 2019

Abstract

The paper presents the results of a source study of two manuscripts produced in the course of the scribe description of the Kazan district, which was performed in the middle of the 17th century. The full texts of both filings were deposited in the fund of the Local Order of the Russian State Archive of Ancient Acts (f. 1209, RGADA) as part of the first two volumes of the storage unit, identif. no. 128. Comparison of the contents of the monuments, features of the presentation of information, as well as involvement in the analysis of other acts and documents of scribal paperwork made it possible to clarify the specifics and attribution of the manuscripts. The study allowed us to conclude that along with the rewriting of the draft version of the field books of “letters and measures”, a number of other books with different purposes were produced. The latter include both scribe books involved in the analysis. The manuscript of the first monument published in 2001 is not a book of “letters and measures”, but is rather a list or listed possessions, which were compiled no earlier than 1656. The second monument, which was published in 2018 and certified as a list book, is a separate description of the lands of non-Russian servants, made no earlier than 1653/54 and no later than 1655/1656. The place of their creation was the Order of the Kazan Palace associated with the official career of the clerk Fedor Ivanov, who counted the pages of the manuscript.

Keywords: Kazan district, scribe books, serving Tatars, land tenure**References**

1. Mustafina D.A. The description of lands owned by Tatar servicemen in the Kazan district during the middle of the 17th century. *Srednevekovye Tyurko-Tatarskie Gosudarstva*, 2018, no. 10, pp. 116–123. (In Russian)
2. Veselovskii S.B. *D'yaki i pod'yachie XV – XVII vv.* [Clerks and Subclerks of the 15th – 17th Centuries]. Moscow, Nauka, 1975. 607 p. (In Russian)
3. Demidova N.F. *Sluzhilaya byurokratiya v Rossii XVII veka (1625–1700): Biograficheskii spravochnik* [The Service Bureaucracy in Russia of the 17th Century (1625–1700): Biographical Handbook]. Moscow, Pamyatniki Ist. Mysli, 2011. 717 p. (In Russian)
4. Mustafina D.A. Archaeographic information. In: *Pistsovaya kniga Kazanskogo uezda 1647–1656 godov. Publikatsiya teksta* [The Scribe Book of the Kazan District for 1647–1656: Text Publication]. Moscow, IRI RAN, 2001, pp. 22–26. (In Russian)
5. Pavlov-Sil'vanskii V.B. *Pistsovye knigi Rossii XVI v.* [Russian Scribe Books of the 16th Century]. Moscow, Nauka, 1991. 247 p. (In Russian)
6. Mustafina D.A., Ermolaev I.P. Semen Volynsky's scribe book as a historical source. In: *Pistsovaya kniga Kazanskogo uezda 1647–1656 godov. Publikatsiya teksta* [The Scribe Book of the Kazan District for 1647–1656. Text Publication]. Moscow, 2001, pp. 3–21. (In Russian)
7. Veselovskii S.B. *Soshnoe pis'mo. Issledovanie po istorii kadastra i pososhnogo oblozheniya Moskovskogo gosudarstva* [Soshnoe Letter. A Research on the Scribe Books History and Pososhny Taxation in the Moscow State]. Vol. 2. Moscow, Tip. G. Lissnera i D. Sobko, 1916. 711 p. (In Russian)

8. Klyuchevskii V.O. *Sochineniya* [Essays]. Vol. 3: A course on Russian history, pt. 3. Moscow, Mysl', 1988. 415 p. (In Russian)
9. Davydova A. Materials on the clerical work of the Nizhny Novgorod district as a historical and geographical source and some methods of their analysis. *Otkrytyi Tekst*. Available at: <http://www.opentextnn.ru/history/istochnik/istXIII-XIX/?id=1268>. (In Russian)
10. Zenchenko M.Yu. Reference complexes of the 18th century: Data from the census books of 1678 in the administrative practice of the Russian state. *Materialy XV Vseros. nauch. konf. "Pistsovye knigi i drugie massovye istochniki XVI – XX vekov": K stoletiyu so dnya rozhdeniya A.A. Kolesnikova* [Proc. XV All-Russ. Sci. Conf. "Scribe Books and Other Mass Sources of the 16th – 20th Centuries": On the 100th Birth Anniversary of A.A. Kolesnikov]. Moscow, Drevlekhranilishche, 2008, pp. 137–148. (In Russian)
11. Krotov M.G. Sources for restoring desyatnyas of the 16th – 17th centuries. In: *Issledovaniya po istochnikovedeniyu istorii SSSR dooktyabr'skogo perioda* [Source Studies of the USSR History in the Pre-October Period]. Moscow, Inst. Istorii SSSR, 1983, pp. 51–60. (In Russian)
12. Nogmanov A.I. *Samoderzhavie i tatory. Ocherki istorii zakonodatel'stvennoi politiki vtoroi poloviny XVI – XVIII vv.* [Autocracy and Tatars. Essays on the History of Legislative Policy in the Second Half of the 16th – 18th Centuries]. Kazan, Tatar. Kn. Izd., 2005. 213 p. (In Russian)
13. Ermolaev I.P. *Srednee Povolzh'e vo vtoroi polovine XVI – XVII vv. (Upravlenie Kazanskim kraem)* [The Middle Volga Region in the Second Half of the 16th – 17th Centuries (Governance in the Kazan Territory)]. Kazan, Izd. Kazan. Univ., 1982. 223 p. (In Russian)
14. Frolov A.A. What is an "original" scribe book? Notes about historical source study of documents dating back to the 16th century. *Vestnik "Al'yans-Arkheo"*, 2015, no. 11, pp. 3–30. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Мустафина Д.А. Писцовые материалы Казанского уезда середины XVII века: видовая принадлежность и атрибуция // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2020. – Т. 162, кн. 1. – С. 9–22. – doi: 10.26907/2541-7738.2020.1.9-22. ⟩

⟨ **For citation:** Mustafina D.A. The problem of certification of scribal materials of the Kazan District in the middle of the 17th century: Specifics and attribution. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2020, vol. 162, no. 1, pp. 9–22. doi: 10.26907/2541-7738.2020.1.9-22. (In Russian) ⟩